

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р) 30-1
С 718

Рецензенты

Ковалев Александр Иванович – д.э.н., профессор кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг» Омского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Клисторин Владимир Ильич – д.э.н., в.н.с. ФГБУН Институт экономики и организации промышленного производства

С 718 **Спецификация региональной промышленной политики с использованием элементов кластерного подхода (на материалах Омской области) / под общ. ред. В.В. Карпова, В.В. Алещенко – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. – 480 с.**

ISBN 978-5-89665-304-2

В монографии представлены результаты комплексного научного исследования, выполненного коллективом сотрудников Лаборатории экономических исследований Омской области ИЭОПП СО РАН при участии научных и практических работников. Книга посвящена теоретико-методологическим вопросам и прикладным аспектам промышленной политики Омской области. Рассматривается методология анализа и прогнозирования региональной промышленной политики, анализируются основные направления кластерной поддержки (на примере кластера высокотехнологичных компонентов и систем Омской области), разрабатываются методические основы оценки эффективности управления промышленной политикой региона.

Адресуется научным и практическим работникам, представителям государственного и муниципального управления, предпринимателям, обучающимся ВО, интересующимся вопросами развития региональных промышленных кластеров в современных условиях.

Алещенко В.В. – д.э.н. (гл.3: 3.1, 3.4)
Алещенко О.А. – (гл.3: 3.4)
Бреусова А.Г. – к.э.н. (гл.4: 4.4, 4.5)
Гарафутдинова Н.Я. – к.э.н. (гл.3: 3.2)
Жильцов В.В. – к.т.н. (гл.3: 3.1)
Карпов В.В. – д.э.н. (введение)
Колда А.В. – (гл. 1: 1.2, 1.3)
Кораблева А.А. – к.э.н. (гл.4: 4.1, 4.4, 4.5)
Лаздин А.Ю. – к.ф.-м.н. (гл.3: 3.4, гл.4: 4.2, 4.5)

Лизунов В.В. – к.ф.-м.н. (гл.2: 2.1, 2.2)
Логинов К.К. – к.ф.-м.н. (гл.4: 4.2, 4.5)
Новосельцев Д.А. – к.т.н. (гл.3: 3.1)
Симанчев Р.Ю. – к.ф.-м.н. (гл.4: 4.3)
Суспин С.А. – д.э.н. (гл.1: 1.1, 1.2, 1.3)
Снежанская Н.Н. – к.ю.н. (гл.2: 2.4)
Хаиров Б.Г. – к.э.н. (гл.3: 3.3)
Чупин Р.И. – к.с.н. (преамбула, гл.2: 2.3)

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р) 30-1

ISBN 978-5-89665-304-2

© Коллектив авторов, 2016 г.
© ИЭОПП СО РАН, 2016 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2016/Specifikacija_regionalnoj_prom_politiki2016Omsk.pdf

Преамбула

ПРЕДЕЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ДИСКУРСИВНОСТИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА ДО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Природа экономической науки с давних времен закладывала утилитарных идеал целей и деятельности государственных деятелей. В данном контексте примечательна фраза Дж. М. Кейнса: «идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда они ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого»¹. Однако далеко не всегда воплощение в жизнь теоретических положений экономической науки приносит реальную общественную пользу: вспомнить негативные экономические последствия меркантилизма во Франции, экспорт монетарных идей в страны третьего мира во второй половине XX века или российские реформы после развала СССР.

Говоря о последнем, трансформация российской экономики от плановой к рыночной экономической системе неоднозначно сказалась на её автономности. Следует отметить несущественное изменение среднего отношения расходов на конечное потребление товаров собственного производства к общему объему расходов по отношению к 1995 году (в 2014 году составило 58,97%) и уровня покрытия импорта (в 2014 году значение показателя составило 131,27%). При этом фиксируется значительное повышение платежеспособного спроса: уровень покупательной способности в 2014 году составил 16,81%. Таким образом, можно судить о том, что рост совокупных расходов сопровождался увеличением темпов прироста потребления иностранных товаров. Примечательно, что наибольшую долю в структуре импорта иностранных

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс; вступ статья Н. А. Макашевой. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с., С. 15.

товаров занимают машины, оборудование и транспортные средства (приблизительно 50%)¹.

Данные тенденции демонстрируют наличие серьезных структурных преобразований в российской экономике, в т.ч. изменения в производительных силах на уровне регионов. Переход к рыночной экономике и интернационализация России в международную систему разделения труда сказались, прежде всего, на отраслевой специализации территорий, что неоднократно отмечалось в исследованиях специалистов Омской экономической лаборатории ИЭОПП СО РАН². В этих условиях увеличилась дивергенция регионов по уровню ВРП, а также снизилась устойчивость и надежность некогда развитых территорий.

В частности, структурные сдвиги затронули Омскую область – регион, на территории которого расположен развитый промышленный комплекс. В 2014 году в экономике Омской области функционирует 3 933 организаций обрабатывающего производства (36,23% в структуре ВРП), в т.ч. 560 по производству машин, транспортных средств и оборудования (2,57% в общем объеме отгруженных товаров собственного производства). Среднесписочная численность работников в данной сфере составляет 101,16 тыс. чел. (16,89% в общей структуре занятых), среднемесячная номинальная заработная плата составила 26,18 тыс. руб. (отклонение от средней по всем видам экономической деятельности 0,1%). Доля убыточных предприятий составляет более 35%³.

В связи с этим возникает ряд проблем: неполное задействование потенциала региональной экономики приводит к низкой эффективности хозяйственного комплекса (рентабельность активов в среднем по отрасли в 2014 году составила 4,3%, тогда как в среднем по России 5,7%), снижению уровня инвестиций в основной капитал (на 27,55% меньше среднего значения по России), низкому уровню жизни населения и, как следствие, к оттоку квалифицированных кадров в более развитые регионы России и за границу, снижению налоговых поступлений в ре-

¹ Источник данных: Россия в цифрах. 2014 / Крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2014. – 558 с.

² Промышленный комплекс Омской области: вопросы глобальной интеграции / под. общ. ред. В. В. Карпова, В. В. Алешенко. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. – 404 с.

³ Источник данных: Промышленность России. 2014 / Стат. сб. – М.: Росстат, 2014. – 326 с.

гиональный бюджет и его дефициту (налоговые поступления в консолидированный бюджет на 32,12% меньше среднего значения по России; дефицит бюджета Омской области в 2014 году составил 5,8 млрд руб.)¹. Очевидно, что перечисленные проблемы ограничивают возможности реализации стратегических направлений регионального развития, в частности второго этапа «Омская область – промышленный центр юга Западной Сибири (2015–2020 гг.)»².

На фоне изменения геополитической ситуации возникают научные дискуссии, направленные на переосмысление базовых принципов и приоритетов региональной промышленной политики. Осенью 2015 года прошла IV Международная научная конференция «Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации», на которой работал круглый стол о перспективах импортозамещения. При участии С. А. Афонцева, В. А. Крюкова, Р. М. Нуреева, В. Л. Тамбовцева, А. Е. Шаститко и др. были подняты вопросы научного сопровождения региональной промышленной политики в современных российских условиях и отмечен недостаточный уровень теоретического осмысления механизмов регионального развития.

На сегодняшний день вопросы региональной промышленной политики занимают одно из ключевых мест в российском экономическом дискурсе. Так можно отметить три доминирующих методологических подхода к исследованию региональной промышленной политики:

Во-первых, системная (позитивистская) парадигма, представителями которой является А. Аганбегян, Э. Веселова, Р. Гринберг, С. Дохолян, В. Ефимов, А. Калинин, Г. Клейнер, И. Макарова, Ф. Селезнев, С. Суспицын и др. Суть системной парадигмы заключается в рассмотрении естественного воспроизводства мезоэкономических систем с учетом соблюдения региональных экономических балансов. В данном контексте региональная промышленная политика призвана дополнять существующие механизмы экономического развития.

¹ Источник данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 / Стат. сб. – М.: Росстат, 2014. – 900 с.

² Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2025 года // Указ Губернатора Омской области от 24 июня 2013 года № 93.

Во-вторых, функциональная (нормативная) парадигма, представленная трудами А. Алиева, А. Башкирцева, А. Гребенкина, О. Горшенева, Ж. Ермаковой, А. Луговцова, О. Романовой, А. Татаркина, Н. Розановой и др. Основой функциональной парадигмы является допущение о несовершенстве рыночных механизмов экономического развития, определяющим функции государственного вмешательства в части регулирования производственной сферы. Если в системной парадигме вектор экономического развития задается естественным образом, то нормативная парадигма предполагает возможность замещения рыночной координации административным механизмом.

В-третьих, интегральная парадигма, последователями которой являются С. Авдашева, А. Балашов, М. Балкизов, С. Левин, Г. Литвинцева, В. Нефедкин, К. Саблин, В. Шабашев, А. Шаститко и др. Интегральная парадигма базируется на методологических постулатах институциональной экономической теории, позволяющей снять ограничения системной и функциональной парадигмы через релятивистское понимание эффективности. Данное положение раскрывается в работе Д. Норта, согласно которому эффективность развития экономики определяется сравнением институциональных альтернатив¹, от которых зависит функционирование того или иного.

Таким образом, в современной экономической науке отсутствует методологическое единство, что определяет разницу в характере реализации промышленной политики на уровне российских регионов.

Влияние экономического дискурса на региональную промышленную политику наиболее наглядно фиксируется в практиках реализации кластерного подхода. До сих пор нормативного закрепления понятия «кластер» не существует, но, начиная с 2008 года, оно стало активно использоваться в ведомственных нормативных документах, задавая тренды региональной промышленной политики. В частности, первым этапом реализации Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года является «Становление ключевых секторов и приоритетных кластеров (2013–

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

2015 гг.)»¹. При этом следует отметить факт наличия значительных противоречий между общепризнанными позициями относительно трактовки понятия «кластер» и способах их образования.

Основываясь на анализе трактовки «кластера» в экономической науке, можно отметить дихотомию кластерного подхода через призму системной и функциональной парадигм:

1. Кластерный подход как установка региональной промышленной политики, ориентированная на преодоление ограничений рыночного механизма посредством искусственного создания локализованных точек роста. В этом смысле реализация кластерного подхода ориентирована на минимизацию общественных потерь в результате несовершенной или избыточной конкуренции, а также отсутствия рынков².

Инициация кластеров может ограничить темпы развития монополий и усилить меры государственного контроля над их деятельностью. С точки зрения функциональной парадигмы, эффективный кластер не может возникнуть без участия государства, которое входит в его структуру в формате государственно-частного партнерства (ГЧП). Участие государства в функционировании кластеров позволит, с одной стороны, развить конкурентную среду через стимулирование спроса на продукцию участников отрасли и, с другой стороны, участвовать в капитале крупных компаний. Кроме того, формат ГЧП в рамках локализованных единиц позволит оптимизировать работу государственного аппарата при производстве общественных благ, в т.ч. нивелировать проблему «безбилетника»³.

Образование кластеров со стороны государства также способствует снижению негативных последствий избыточной конкуренции, в т.ч. снижению качества товаров⁴. Устойчивость технологических связей между хозяйственными субъектами в совокупности с регулярностью взаимодействия приводит к образованию

¹ Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2025 года // Указ Губернатора Омской области от 24 июня 2013 года № 93.

² Hertog den J. General Theories of Regulation // *Encyclopedia of Law and Economics*. – 2000. – Vol. 3. – P. 223–270.

³ Капогузов Е. А. Структурные альтернативы производства государственных услуг // *Экономическая политика*. – 2013. – № 4. – С. 112–132.

⁴ Kahn A. *The Economic of Regulation: Principles and Institutions*. – Cambridge: MIT Press, 1988. – 559 p.

стандартов. При этом стандартизация не препятствует, а дополняет конкуренцию, содействуя инновационному процессу. В этом смысле стандарты выступают институциональным оформлением объективных технологических рамок, не позволяющих снижать себестоимость производства в погоне за сверхприбылью. Конкуренция, в свою очередь, содействует генерации наиболее эффективных технологических решений и развитию предпринимательских экосистем через механизм изоморфизма¹.

Кроме того, формирование кластера способствует формированию рынков². В идеальной модели М. Портера субъекты кластера задают перекрестный спрос на продукцию друг друга, создавая практически замкнутую систему. В этом смысле кластер представляет собой локализованный рынок.

Таким образом, кластер может выступать легитимным средством преодоления «провалов рынка», определяющим функции государства при взаимодействии с бизнесом. Однако данный подход неоднократно подвергается критике со стороны представителей системной парадигмы: во-первых, априорная эффективность государства является достаточно спорным утверждением, во-вторых, набирают популярность теории рыночной самоорганизации.

Реализуя кластерный подход, государство может преследовать не общественный, а частный интерес отдельных крупных компаний. Дело в том, что политики и прочие государственные деятели не обладают иммунитетом к стремлению максимизировать собственную полезность. В данном случае функция полезности политика зависит как от его фактического дохода, так и от возможности его будущего получения посредством сохранения собственного статуса. При этом он неизбежно несет издержки по получению и сохранению своей должности в условиях политической конкуренции, которые при прочих равных условиях представляют собой затраты на предвыборные и конкурсные мероприятия³. Также следует не забывать, что политик нормативно ограничен в возможности получения предпринимательского до-

¹ DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organization Field // *American Sociological Review*. – 1983. – Vol. 48. – P. 147–160.

² Porter M. Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // *Economic Development Quarterly*. – 2000. – Vol. 14. – P. 15.

³ Laffont J.-J., Tirole J. The Political Economy of Rent-seeking Society // *American Economic Review*. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.

хода. Это задает положительные стимулы для капитализации государственных должностей и предложения политических услуг бизнесу, который, в свою очередь, готов платить за предоставления исключительных прав в виде государственной поддержки¹.

Таким образом, региональная промышленная политика может выступить средством ограничения конкуренции путем государственной поддержки отдельных хозяйственных субъектов и установления барьеров входа в отрасль дополнительных участников. Кластерный подход, в этом смысле, является институционализированной формой механизма извлечения политической ренты.

2. Кластерный подход как установка региональной промышленной политики на постепенный отход государства от регулирования мезоэкономических систем посредством развития самоорганизации. Достаточно популярным в российской и зарубежной науке убеждением является то, что кластер является самоорганизованной системой. Такая предпосылка исходит из одной из многочисленных идей М. Портера о конкурентных преимуществах на локальных рынках². Представляя собой элемент механизма приспособления организаций к изменяющимся рыночным условиям, конкурентоспособность обладает уникальной объяснительной способностью, позволяющей аргументировать естественность кластеризации – процесса образования кластеров.

Дело в том, что даже при активном государственном вмешательстве практически невозможно определить степень влияния того или иного фактора на образование и эффективность функционирования кластеров. Сторонники системной парадигмы считают, что лишь одновременное наличие ряда условий и конкурентной стратегии определяет возможность кластеризации. Стандартным набором, как правило, выступает наличие спроса (рыночные условия), технологических возможностей (производственные условия), деловая активность и наличие вспомогательной инфраструктуры. Конкурентная стратегия позволяет фирмам распознать и использовать данные условия для получения конкурентных преимуществ. В этом

¹ Tullok G. The Origin Rent-Seeking Concept // International Journal of Business and Economics. – 2003. – Vol. 2. – P. 1–8.

² Porter M. The Competitive Advantage of Nations. – New York: The Free Press. 1990. – P. 857.

смысле государственное вмешательство может быть рассмотрено как ограничение, не позволяющее фирмам реализовать конкурентную стратегию.

Выбор между альтернативами обусловлен не только индивидуальными, но и социальными состояниями. Именно различные конфигурации социальных и индивидуальных состояний определяют выбор конкурентных стратегий фирмы. Эти конфигурации могут быть описаны набором выбранных стратегий между фирмой и её контрагентами в условиях кластера и глобального рынка:

- наилучший из возможных миров. Фирма следует общему благу, при этом все контрагенты преследуют частную выгоду;

- *mondo cane* (итал. – «собачий мир»). Фирма выбирает стратегию преследования частных интересов, предполагая, что её контрагенты поступают также;

- следование долгу в смешанном мире. Это состояние общества, при котором фирма считает, что примерно половина его контрагентов заботится об общем благе. При этом она сама предпочитает следовать моральному принципу;

- следование выгоде в смешанном мире. Это состояние отличается от третьего тем, что фирма предпочитает следовать стратегии максимизации;

- мир универсальных ценностей. Это состояние можно назвать идеальным кантовским миром. Фирма и практически все её контрагенты следуют закону как основному правилу поведения;

- выгода в мире долга. В этой ситуации фирма сохраняет за собой право действовать в соответствии с частным интересом, в то время как её контрагенты действуют согласно моральному закону.

Упорядочивание конфигураций было предложено в виде числовой шкалы от 1 до 6 по мере восхождения их желательности той или иной стратегии для фирмы. Данные значения могут быть использованы для определения ценности, которая фирма приписывает различным конфигурациям. Полученные конфигурации можно изобразить в виде матрицы (табл. 1). По горизонтали расположены альтернативные конкурентные стратегии для фирмы, по вертикали – варианты поведения контрагентов. Учитывая современную российскую действительность (а именно, кризис доверия), отметим вероятности, которые приписывает фирма каждому из трех возможных вариантов поведения. Предположим, что фирма приписывает вероятность 0,6 для первой модели, 0,3 – второй и 0,1 – третьей.

**Модель выбора фирмы в условиях глобального рынка
(составлено на основе теории Дж. Бьюкенена ¹)**

Конкурентная стратегия фирмы	Контрагенты			Значение ожиданий
	Почти никто не следует общему благу	Примерно половина следует общему благу	Практически все следуют общему благу	
Следует частной выгоде	2 (0,6)	4 (0,3)	6 (0,1)	3
Следует общему благу	1 (0,6)	3 (0,3)	5 (0,1)	2

Исходя из результатов шкалирования социальных конфигураций и значений вероятностей, можно рассчитать математическое значение ожиданий фирм от выбора альтернативных конкурентных стратегий. В результате оказывается, что ожидания от следования общему благу меньше, чем от преследования частных интересов. В таких условиях фирма отказывается от закона и становится оппортунистом.

Очевидно, что ожидания фирмы зависят в больше мере от вероятностей, приписываемых каждому способу поведения, чем от перечня конфигураций. Следовательно, независимо от того, какую стратегию фирма ожидает от своих контрагентов, её выбор будет склоняться к частной выгоде до тех пор, пока сравнительная оценка социальных конфигураций будет обусловлена недоверием. Эта предпосылка будет правомерной только в ситуации, когда фирма считает, что её конкурентная стратегия не оказывает влияние на выбор других.

В условиях кластера распределение вероятностей для фирмы, выбирающей следование общему благу, будет изменено. Для первой модели значение вероятности равно 0,0, для второй – 0,4, третьей – 0,6. При этом первая строка остается без изменений. В данном случае значение математического ожидания для альтернативы «следовать общему благу» превысит значения ожидания для альтернативы «следование частной выгоде» и составит 4,2. Данная ситуация складывается по причине того, что од-

¹ Buchanan J. Ethical Rules, Expected Values, and Large Numbers // Ethics. – 1965. – Vol. 76. – P. 1–13.

ним из важных условий выбора той или иной конкурентной стратегии является количество контрагентов: фирма, которая сознательно взаимодействует только с небольшим количеством контрагентов, будет склонна исходить из следования общему благу, в то время как та же фирма, если она взаимодействует с большим количеством контрагентом, будет исходить из принципа максимизации.

Когда фирма взаимодействует с большим количеством контрагентов, возникает ситуация, при которой она не способна вступать в коммуникацию со всеми участниками взаимодействия (*по аналогии с дилеммой заключенных*). Однако данный эффект не наблюдается в условиях кластера, где выбор фирмы оказывает существенное влияние на все последующие транзакции с контрагентами. Склонность фирмы к максимизации может найти свою реализацию в малой группе лишь в случаях, когда существует сговор между её членами. Подобный сценарий, как правило, осуществляется лишь при активном содействии государства.

Таким образом, можно сделать вывод о дискурсивности кластерного подхода (рис. 1).

Рис. 1. Дискурсивность кластерного подхода

Методологические противоречия создают трудности при анализе последствий применения кластерного подхода на уровне российских регионов (в т.ч. в Омской области), а также делает невозможным разработку универсальных технологий его реализации. Исходя из этого, возникает потребность в исследовании практик образования кластеров в российских регионах с целью формирования концептуальных основ использования кластерного подхода в региональной промышленной политике.

Примечательно мнение А. Пилясова и Ю. Замятиной, что с наступлением постиндустриальной эпохи промышленная политика претерпевает радикальные изменения. Промышленная политика характеризуется с точки зрения практик, направленных на создание условий развития промышленных предприятий, в т.ч. модернизации системы образования, стимулирования научных исследований, поддержку предпринимательских инициатив и оптимизации городской среды¹. Самым главным в таком подходе является комплексность анализа – совместное рассмотрение всех сущностных процессов и явлений в экономике региона. На такой основе можно оценить результативность отдельных видов экономической политики, в т.ч. и промышленной политики в регионе.

Представляется, что реализация данной цели должна начинаться с выявления практик и последствий реализации региональной промышленной политики в российских регионах. В общем виде, совокупность практик может быть охарактеризована набором конкретных социально-экономических показателей, призванных описать существующее состояние, целевые установки его изменения, мероприятия по их реализации.

¹ Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Региональная экономика и пространственное развитие // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 4. – С. 285–302.